

АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ

САМООТВЕРЖЕННОСТЬ

Мы слишком мало и недостаточно по-повому пишем о созидательной работе в тылу, а то, что пишем, не всегда раскрывает все те глубокие изменения, которые произошли и происходят в нашей стране.

Глубоко изменилась за год войны психология Красной Армии. Человек на фронте стал нравственно чище, серьезнее, проще и глубже за этот год борьбы с жестоким и сильным противником. Год тому назад мало кто представлял, что такое современная война и как должен перестроить себя человек, чтобы победить ненавистного немца.

Все мы знали из прошлого, что войны решаются одним или несколькими генеральными сражениями. Они были состязаниями военного таланта главнокомандующих и храбрости народов. Перед Бородинским боем русские солдаты надели чистые рубахи и была привезена икона Владимирской божьей матери—благословить кутузскую армию, идущую на смерть за Отечество. Этот день решил судьбу Наполеона,—его непобедимая армия разбилась о широкую грудь русского солдата. Кутузов оказался умнее императора французов.

В нынешней небывалой войне солдату Красной Армии мало надеть чистую рубаху перед боем,—ему пришлось душу свою набею вымыть в трех кровях, в трех щелоках тринадцатимесячной непрекращающейся битвы на трехтысячеверстном фронте. Чиста и сурова душа воина Красной Армии. Он много видит, много чувствует и много думает. Он видит, что немец никогда русскому не смотрит в глаза,—для немца русский—презренное существо. Думает русский человек: откуда у моего врага, немца, такое презрение ко мне? Ну, будь бы еще немец хорош... А что такое немец—мы узнали,—летоубийцы, растлители, мародеры, надменные дураки, связавшие себя с Гитлером круговой порукой страшного преступления передо всем миром, разумного и доброго в них нет, а есть—зло, и они сознательно хотят делать злое... Таких людей нужно бить до тех пор, пока у них матернее молоко на губах не покажется... Тогда только у немца проявится. Так как же я ниже немца? И русский человек хочет чувствовать себя таким, чтобы себя уважать. А уважать себя в такую тяжелую годину очень важно. Думает он: в прошлом в чем я поступал неправильно, дурно, криво, слабо, душно? В том-то и том-то. Не быть больше этому,—ходишь, брат, перед смертью, будь светел, будь заботлив к другу, товарищу, будь добр к милой родине своей,—значит—бейся с немцем без оглядки, мсти ему за все, не щадь себя, чтобы убить его...

Воин Красной Армии хочет, чтобы впрямь не повторялось то, что он считает неправильным и дурным. Путь к жизни ведет только через победу. После победы начнется большая жизнь, и жить нужно будет

по-новому, лучше, как подобает человеку, перешедшему через эту войну и эту победу и выросшему на десять голов.

От этой выросшей нравственной силы советский воин делает такие отважные дела, что рассказы о них летят по эфирным волнам и телеграфным проводам по всему миру. У нас в деревне ли, в городке ли близкие люди, прочли в письме с фронта или в газете с портретом героя,—о нем, о его отважных делах, показывают письмо или газету людям, и люди слушают, вздыхая от полноты души, и начинают ласково говорить о герое, и ласково зовут его по имени, и вспоминают, как он—давно ли—вот тут ходил, как все, в пилатке, и ждут, терпеливо ждут возвращения его с вестью о победе.

Любовью к ушедшим на фронт живет весь тыл; им, героям, передована вся сила мщения народа за свои страдания, и за горе, и лишения, и разорение; в тыловой работе, на заводах и полях, им, героям, хочет подражать молодежь, в них, в красных героях, уничтожающих фашистскую сволочь, играют малые ребята в оврагах за деревней и на улицах Москвы.

Весь наш тыл живет, равняясь по нравственной высоте Красной Армии: борется за металл, за уголь, за хлеб, за хлопок, за картошку, за производство оружия и военных машин с таким же упорством, самопожертвованием, с отчаянием всего себя, как это делает Красная Армия. Тыловой труд—будничный, незаметный, в нем не кровельется, но пот, в нем не наносят жгучих или смертельных ран, но не меньше нужно величия души, чтобы день за днем, ночь за ночью, преодолевая усталость, отлавив все силы, вооружать и снабжать Красную Армию, веря священной, всепаролной верой, что победит и отомстит она разорителям родины нашей.

Здесь мне хочется сказать о том, что я видел своими глазами в Узбекистане. Передо мной цифры, показывающие, что сделано там за год войны. Каждая цифра дышит жизнью, под цифрой скрыт самоотверженный труд.

Объем выполненных земляных работ по строительству оросительной сети за этот год выражается цифрой в 25 миллионов кубометров вынутой земли. Это значит, что сотни тысяч колхозников по инициативе узбекского правительства и также по своей инициативе, вооруженные кетменами—тяжелыми мотыгами, в зимние месяцы, когда пронзительный ветер поднимает колючую пыль или валит мокрый снег по колено, или на недели залаживает дождь из туч, ползуших по земле,—копали и выкидывали лишнюю землю, прокладывая трассу канала, строили плотины, шлюзы, расчищали арыки; эти люди работали, как всегда, в халатах, раскрытых на гру-

ди, спали на земле и титаническим трудом своим добились поставленного задания: на увеличенной за этот год посевной площади посеяно и собрано в три раза больше зерна, чем за прошлый год. Узбекистан отказался от завоза хлеба. Впервые в истории этой страны посеяно много тысяч гектаров свеклы, и сейчас заканчивается постройкой ряд свеклосахарных заводов. Узбекистан даст сахар фронту.

За время войны туда эвакуированы десятки крупных предприятий и появилась необходимость обеспечить их местным углем и нефтью, чтоб освободить железные дороги от завоза того и другого. Эта задача выполнена. Уголь добывается из открытых котлованов; нефть, несмотря на авторитетное утверждение одного академика, что нефти здесь быть не может,—обнаружена и уже добывается, и добыча ее растет,—и нефтью богат Узбекистан.

Но главное богатство—человек. За человека, за свободный труд, за землю его ведется борьба с истребителями человека. Вы едете по райскому саду Ферганской долины, где дымящиеся после полива, окаймленные прямоугольниками шелковичных деревьев, сероватые поля зеленеют ровными рядами хлопка, и всюду бегут, блестят под солнцем благодатные ручьи студеной горной воды по искусственным руслам,—и вам хочется благословить жизнь, создавшую человека. Вот он—узбек—в июньский полдень, в шестидесят градус жары, в ватном халате, раскрытом на загорелой груди, с черными босыми ногами, с розой, заложенной за ухо, под тюбетейку, взмахом жилистых рук подымает над головой тяжелый кетмень и опускает его в широкую борозду земли между двумя полными воды канавками. Вот он, поблбав халат, идет за плугом в воле выше колена по сверкающей заводи рисового поля. Вот он, белобородый, с головой, обвязанной платком; стоит, опираясь на библейский посох, на склоне холма, где пасутся бараны. Вот он—смутный, как персик, с тенью усов под прямым носом, с глазами черными и блестящими, по скромными, потому что мать его учила быть скромным, стоят у заводского станка среди московских белокурых девушек. Вот он—в тихий вечерний час сидит на корточках у глиняной стены своего дома и будто слушает, как у его ног слабо журчит вода в арыке. Вот он—на собрании почетных и знатных стариков, поднявшись с ковра, подзывает сына своего, развертывает шелковый платок, достает нож и говорит сыну отрывистым и сердитым голосом: «Иди и убей фашиста, я хочу увидеть кровь врага на этом ноже».

Во всех областях хозяйства Узбекистан идет с перевыполнением плана. Это говорит лишь о том, что наш советский тыл крепнет и набирает силы, непреклонно создает условия для нашей победы.